

Стивенсон

Исторические  
тайны  
и преступления



ВЫПУСК I.

\*Король или кондитер?\*

\*Украденное ожерелье\*

\*Тайна Мейерлинга\*

**СТИВЕНСЕН**

*ИСТОРИЧЕСКИЕ  
ТАИНЫ  
И  
ПРЕСТУПЛЕНИЯ*

**перевод с английского**

**ВЫПУСК I.**

**Мюнхен**



Предложенные вниманию читателей «Исторические тайны» не имеют ничего общего с шерлоковщиной, с бульварной литературой типа «Мастера ужасов».

Все новеллы Стивенсена рассказывают об исторических фактах, имевших место в прошлом и в свое время горячо волновавших Европу. Тайна, окружавшая отдельные события, о которых увлекательно повествует Стивенсен, осталась нераскрытой и до наших дней.



## КОРОЛЬ ИЛИ КОНДИТЕР ?

Таинственное исчезновение простого смертного не редкость. Но совершенно необычайно исчезновение царствующего монарха, не мудрено, потому, что исчезновение короля Себастьяна Португальского взволновало весь свет.

Дон Себастьян, из Брагантского дома, прямой потомок английского Ланкастерского Герцога Джона, был одним из многообещающих правителей Португалии.

Этот блестящий, прекрасно образованный молодой король быстро становится кумиром своего народа, он родился, казалось, под счастливой звездой. Все сулило ему удачу и радость, если бы не его страсть к военной славе, обыкновенная болезнь всех королей мира.

Дон Себастьян мечтал основать в северной Африке Португальскую Империю от Красного моря до Атлантического океана и к югу до Сахары.

Такие мечты могли заставить задуматься храбрейшего из храбрых, но молодой Дон Себастьян не признавал опасностей и затруднений.

Он объявил крестовый поход и португальские рыцари стали под его знамена.

Сначала португальцы заняли Марокко, но мавры, не теряя времени, под зелеными знаменами Ислама приготовились к защите.

Мавританские вожди во главе с властителем Фецца напали около Альказарквивира на вторгнувшихся христиан и разбили их наголову. К концу сражения, когда не оставалось сомнения в победе неприятеля, один из рыцарей Дона Себастьяна, видя, что под королем убита лошадь, предложил королю своего коня, прося оставить поле битвы.

Король покачал головой.

«Но вы сделали все, что возможно смертному», сказал рыцарь, «больше ждать нечего!»

«Царствия небесного, если мы его заслужили», ответил король, бросившись пешим против врага.

С этого момента Дон Себастьян исчез со страниц истории. К концу боя пески были пропитаны кровью лучших сынов Португалии; бесчисленное множество трупов благородных рыцарей покрывало землю. Находи-

лось-ли среди них тело короля? Тайна эта не раскрыта и до наших дней.

Впрочем, были некоторые указания, что Дон Себастьян избег смерти. Верный оруженосец Луи де Брито, скрыв под панцирем королевский штандарт, бросился в битву за своим повелителем. Он рассказывал впоследствии, что король остался жив и бежал по направлению к реке, протекавшей вдоль поля сражения.

Установлено, что среди немногих беглецов, достигших берегов Арцилы, находившейся в пределах Португальских владений, недалеко от Марокко, около которой бросил якорь корабль, была закутанная с ног до головы фигура, к которой остальные беглецы обращались с большим уважением. Этот таинственный человек пересел на отплывавший в Лиссабон корабль; что случилось с ним дальше—не известно.

Народ глубоко верил, что таинственный незнакомец был ни кем иным, как его королем, которому гордость не позволяла явиться побежденным. В конце концов фактически было установлено, что король отправился паломником в Святую Землю в сопровождении двух или трех верных слуг.

Сообщение между Палестиной и Португа-

лей в те времена было нелегким, а потому вполне понятно, что вести от короля к друзьям и приближенным получалось очень редко, да и подлинность этих сообщений было очень трудно установить.

В сущности никогда достоверно не было известно, получено-ли было хоть одно письмо в Лиссабоне, написанное его рукой. Однако в городском архиве хранится несколько писем с его печатью, полученных из разных местностей Палестины во время его добровольного изгнания.

Среди документов того-же архива имеются три клятвенные заявления возвратившихся паломников, утверждавших, что исчезнувший король, или кто-то, называющийся его именем, живет в пещере около Дамаска.

Получено было, наконец, безусловно принадлежавшее Дону Себастиану кольцо с гербом. По словам пилигрима кольцо это ему передал человек, в котором он сразу узнал своего монарха; последний просил пилигрима вручить кольцо одному из королевских родственников в Лиссабоне.

Слухи эти были очень невыгодны кой-кому. Если-бы можно было доказать, что он умер, трон стал бы свободным; претендентов же было много.

Чего опасались — то и случилось. Филипп Жестокий, король Испании, получив от папы сведения о смерти Дона Себастьяна, захватил португальский трон, и страна сделалась испанской провинциею.

Несколько лет, плохо-ли хорошо-ли, но испанский король правил новыми владениями. Затем произошло событие, с виду очень незначительное, но которому было суждено иметь громадные последствия.

В Валадолиде поселился некий кондитер Габриэль Эспиноза. Так по крайней мере называл он себя. Немногие покупатели его изделий находили их чрезвычайно плохими. Понятно, что дела кондитера шли неважно, но деньги у него всетаки водились. Его одежда отличалась прекрасным модным фасоном, была сшита из лучшей материи, а белье он носил вышитое и ослепительной белизны. Словом, этот Эспиноза являлся какой-то загадкой.

Всем было известно, что у кондитера не было ни друзей, ни знакомых; он, видимо, тосковал.

Через некоторое время у него появилась экономка, очень красивая женщина, оказавшаяся чрезвычайно ревнивой. Начались ссоры и наконец, Эспиноза, потеряв терпение, выгнал экономку из дому.

Отвергнутая женщина, горя мезтью, пошла к главному комиссару полиции с доносом на кондитера, уверяя, что он совсем не тот, за кого его принимают.

«Я убежден, что он очень знатная особа», говорила она. «Я видела у него драгоценности, достойные украшать королевскую корону».

«Вот как!», удивился комиссар и сделал незаметный знак, понятный одним его подчиненным. Женщину схватили, посадили в тюрьму, чего она совсем не предвидела. Затем комиссар направился к кондитеру, захватив с собою вооруженного помощника.

Но птица уже улетела. Видимо Эспиноза остерегался быть захваченным врасплох, но начальник полиции не хотел сдаться. Обойдя все гостиницы, он нашел в два часа ночи Эспинозу недалеко от города, крепко спящим в скромной комнате.

Обыск дал неожиданные результаты. Бедно обставленная комната оказалась дворцом Алладина. Среди мешков с золотой монетой перед удивленным взором комиссара представили драгоценности, среди которых были: чаша из клыков носорога, оправленная золотом, молитвенник с золотыми застежками, отделанный драгоценными камнями с надписью, что он подарен принцессой Изабелой, дочерью

короля Филиппа ее двоюродной сестре Донне Анне, масса бриллиантов, портрет самого короля с надписью на золотой доске, другой портрет Донны Анны, осыпанный бриллиантами и еще много других сокровищ.

Допрошенный обладатель богатств спокойно ответил следующее: «Я только кондитер, дело у меня как здесь, так и в Мадригале, в восьми милях отсюда. Эти драгоценности принадлежат принцессе Анне, племяннице короля, монахиня в Мадригале, она доверила их мне для продажи».

«Почему же вы переменили квартиру?» — последовал вопрос.

«Потому что я нашел, что хозяйка слишком грязна», ответил кондитер.

«Странно», продолжал комиссар, «что простой кондитер так интересуется чистоплотностью хозяйки!»

«Именно потому, что я кондитер», сказал Эспиноза, «чистота для меня первое условие в жизни».

Пожав недоверчиво плечами, комиссар приказал обыскать и самого кондитера, успевшего к тому времени одеться. Эспиноза стал проявлять признаки гнева и сердито проговорил:

«Берегитесь, я имею власть наказывать или

награждать, я употреблю мою власть в полной мере!»

Странная манера говорить, впрочем, не подействовала. При обыске во внутреннем жилете Эспинозы нашли четыре письма.

Быстрым движением он хотел схватить и проглотить их, но не успел; на его руки были надеты наручники. Гнев Эспинозы вызванный этим унижением, имел границ.

«Негодяи», кричал он, «я велю колесом переломать вам кости за оскорбление вашего короля».

Комиссар в волнении отвечал, что он не знает другого короля кроме Филиппа, который наверное пожелает сказать свое слово в этом деле.

«Пока же», продолжал он, «мы будем обращаться с вами как с простым кондитером, а если откроется, что вы более знатная особа, воздадим вам почести по рангу».

Произнеся эти слова, комиссар принялся просматривать письма, при чтении которых глаза его чуть не полезли на лоб от удивления.

Два из них были от богатого, влиятельного духовного лица, главного Викария монастыря в Мадригале, другие два от самой принцессы Донны Аины, которая по праву своего высо-

кого рождения была игуменьей того-же монастыря.

Во всех четырех письмах обращение к мнимому кондитеру было самое почтительное, а титул Его Величество Дон Себастьян, король Португалии повторялся повсюду; письма Донны Анны дышали любовью и преданностью, не позволявшими сомневаться в наличии близких отношений между монахиней и Эспинозой или Доном Себастьяном, кем бы он не был.

Было над чем задуматься. Если авторы писем говорили правду, король Филипп — узурпатор.

Единственно, что было вполне ясно: происшествие столь большой важности не могло разбираться мелкими провинциальными чиновниками. Поэтому, оставив арестованного под надежной охраной, комиссар поспешил с докладом к самому королю в Мадрид.

Эти известия взволновали всегда спокойного монарха. Большими шагами он расхаживал по своему кабинету; лицо его, обыкновенно бледное, пылало злобою, грозные речи лились из уст повелителя.

«Нужно пыткой добиться правды», заявил он.

Недаром называли Филиппа «Жестоким». Палачи принялись за дело. Пытать духовное

лицо было страшным, необычным делом и все таки главный Викарий из Мадригалы был не раз вздернут на дыбу. Эспинозу допрашивали с «пристрастием» в застенках, но он не проронил ни слова. Даже несчастную экономку пытали, надеясь узнать от нее неизвестные ей тайны

Наконец, почти замученный до смерти Викарий согласился говорить. Он сказал все, что знал, правда, очень немного. Как он сам, так и Донна Анна уверены, что кондитер подлинный Дон Себастьян, король Португалии. Ценности, при нем найденные, даны ему, чтобы, продав их, он мог получить средства для возвращения захваченного трона. Викарием в стенах монастыря был совершен обряд венчания

Донны Анны и Эспинозы. От этого брака родился ребенок — дочь, воспитание которой поручено двум монахиням, с которых взята клятва молчания.

На вопрос о том, для чего нужен был этот брак, пытаемый отвечал, что брак вызван необходимостью иметь наследника трона.

В глазах Филиппа Жестокое преступление было очевидно. Наказание могло быть одна виселица. Из всех участников этой драмы осталась только Донна Анна, приговоренная к

жизненному тюремному заключению. Ее несчастный ребенок был отнят и отправлен неизвестно куда. Главный Викарий повешен в Мадриде, Эспиноза в Валадолиде. Перед казнью его пытали, стараясь вызвать признание в обмане. Но напрасно. Он убежденно отвечал на все вопросы:

«Клянусь, что перед вами подлинный король Себастьян Португальский, считающийся убитым в Марокко шестнадцать лет тому назад».

Историки до сих пор сомневаются, был ли кондитер из Валадолида в действительности королем.





## УКРАДЕННОЕ БРИЛЛИАНТОВОЕ ОЖЕ- РЕЛЬЕ.

Главными действующими лицами исторической загадки бриллиантового кольца и его пропажи являлись: Мария Антуанетта, королева Франции, впоследствии обезглавленная; кардинал де Роган, влиятельное духовное лицо; графиня де ла-Мотт, аристократка древнего французского рода и Бомер, знаменитый ювелир.

Случилось это в конце восемнадцатого столетия, когда монархия Франции приближалась к падению. Начало же этой истории относится к предыдущему царствованию Людовика XV, который, будучи без ума от мадам Дюбарри, заказал Бомеру ожерелье, не имевшему во всем мире равного по красоте.

Ювелир провел около пяти лет в поисках по всем столицам Европы подходящих камней, пока не нашел, по его мнению, достойных

заказчика. Более шестисот бриллиантов чистойшей воды были вставлены в золотую сетку необычайной красоты. Бриллианты каскадом должны были ниспадать на грудь и спину их обладательницы.

К несчастью для искусного ювелира, когда ожерелье было готово, король умер от оспы. Понятно, фаворитка не пожелала уплатить за ожерелье из своего кармана и потому Бомер остался с непроданным ожерельем, стоимостью 85 тысяч фунтов, на руках и не имея надежды найти покупателя.

В то время американских миллиардеров еще не было и почти десять лет Бомер тщетно предлагал ожерелье коронованным особам Европы. Перед несчастным ювелиром стояло разорение, так-как стоимость бриллиантов, купленных в кредит, значительно превышала его средства.

Наконец, в отчаянии, он испросил у королевы Марии Антуанетты аудиенцию и разложил бриллиантовое ожерелье перед ее глазами, умоляя приобрести его драгоценность, так как иначе ему ничего не останется кроме самоубийства.

«Перед Вами, Ваше Величество», воскликнул он со слезами, «розоренный человек».

«Я за это не могу отвечать», возразила ко-

ролева, «что же касается до покупки ваших бриллиантов, то у меня на это нет ни средств, ни желания».

До сих пор все было ясно. Но вот дело с ожерельем вступает в область невероятного сплетения интриг и тайн, разобраться в которых не под силу и гению.

При дворе несчастной королевы в то время находилась графиня де ля-Мотт, которая своим возвышением обязана была кардиналу де Рогану, влиятельному королевскому советнику. С ним графиня де ля-Мотт состояла более, чем в дружеских отношениях. Королеве ничего об этом не было известно. Красивая и умная графиня легко завоевала доверие государыни.

Вскоре обе женщины так подружились, что для получения аудиенции у королевы нужно было сначала заручиться благосклонностью графини при помощи денег или драгоценных вещей.

Впоследствии было доказано, что ювелир Бомер, после отказа Марии Антуанетты, обратился к графине де ля-Мотт, обещая ей тысячу луидоров, если ей удастся склонить королеву к покупке ожерелья.

Графиня обещала сделать все от нея зависящее, но вместо Марии Антуанетты обра-

тилась к кардиналу де Рогану. Ему она сочинила целую историю о том, что будто бы королева влюбилась в кардинала и не прочь была бы в знак привязанности получить ожерелье ювелира Бомера.

Влюбленный кардинал попался на удочку хитрой женщины. Ожерелье было куплено кардиналом за 85 тысяч луидоров, при чем уплата производилась чеками за собственной подписью кардинала и графине перепало не малое количество золота за содействие в устройстве ночного свидания королевы с кардиналом.

Встреча эта произошла в Версальском парке, в гроте Венеры. В грот вошла высокая статная дама, вся закутанная густой вуалью, под руку с графиней де ля-Мотт; вошедшую даму кардинал принял за королеву. Упав на колени де Роган ждал. Дама под вуалью бросила ему розу и послала воздушный поцелуй. Это было все. Но де Роган пришел в восторг.

Встав с коленей, делая глубокий поклон, он хотел заговорить, но графиня его прервала. «Торопитесь, Ваше Величество», шепнула она взволнованно, «за нами следят». При этих словах обе дамы поспешно удалились во дворец.

Через два дня де Роган, получив письмо,

будто бы написанное Мариєю Антуанеттой, отдал графине ожерелье для передачи королеве.

На этом история временно прерывается.

Кардинал с графиней сделались обладателями важной тайны королевы. Откройся эта тайна, кардинал не избег бы смерти или, по крайней мере, пожизненного заключения в одной из башен Бастилии. Сохранение же тайны обеспечивало блестящую карьеру, не говоря уже о любви самой красивой женщины Европы. Все трое: кардинал, ювелир и графиня, последняя, впрочем, по другой причине, были довольны удачной сделкой.

Бомер был так счастлив избежать разорения, что не мог удержаться от некоторых намеков, которые не замедлили дойти до слуха короля. Разумеется, эти известия королю не понравились. Король пригласил к себе королеву и, отпусив придворных, резко спросил:

— Что я слышал? Ваше Величество позволили себе принять от герцога де Рогана ценное ожерелье?

— Это бесстыдная ложь, — отвечала королева, — позовите кардинала.

Просьба была исполнена и де Роган был принят королем в присутствии королевы.

Строго взглянув на вошедшего, король сказал:

— Вы, говорят, приобрели от Бомера бриллианты?

— Да, Государь.

— Что вы с ними сделали?

— Я думаю, — пробормотал несчастный кардинал, — что они вручены Ея Величеству.

— Почему вы так думаете? — еще строже проговорил король. — Кто уполномочивал вас покупать для моей жены бриллианты такой большой ценности?

— Графиня де ля-Мотт; она передала мне письмо королевы.

Тогда заговорила Мария Антуанетта.

— Письмо? — вскричала она, — дайте его мне, если оно у вас действительно имеется!

Вместо ответа кардинал вынул переданное ему графиней письмо и подал королю. Людовик XVI сразу понял, что тут имел место подлог и резкими словами предложил де Рогану удалиться.

Де Роган через несколько дней был заточен в Бастилию. Графиня де ля-Мотт также подверглась аресту и только ей мужу удалось спастись, так как он ускакал верхом в Калэ, а оттуда переправился в Англию.

Французская полиция преследовала его до

Лондона, но в эти времена выдачи преступников иностранных подданных еще не существовало и полицейским пришлось только наблюдать, как граф продавал часть бриллиантов, вероятно, из знаменитого ожерелья, при чем полиция бессильна была что-нибудь предпринять.

Между тем среди арестованных по этому делу была некая Мария Лагай, образ жизни которой был не безупречен. В тюрьме она созналась в том, что графиня де ля-Мотт заставила ее однажды играть роль Марии Антуанетты, на которую она была похожа, в памятную ночь в садах Версаля.

У несчастной королевы было много влиятельных врагов, которые утверждали, между прочим, что свидание королевы с кардиналом действительно состоялось, показание же Лагай было оплачено деньгами, чтобы обелить Марию Антуанетту; обвиняли ее в том, что она от продажи ожерелья получила свою долю. Но это все клевета.

Доказано, что чета де ля-Мотт выручила целое состояние, продавая отдельные камни, вынутые из оправы самой графиней в день получения их для передачи королеве. Предполагается, что кроме супругов де ля-Мотт, были и другие лица, замешанные в это дело.

потому что много камней не доставало и они никогда не были найдены.

Во всяком случае, можно все же утверждать, что между королевой и графиней были отношения, не подлежащие огласке.

Графиня была приговорена к публичному сечению розгами по голым плечам и к пожизненному заключению, но исполнена была только первая часть приговора,

Через короткий промежуток времени мы находим графиню де ля-Мотт с мужем в Лондоне, после удачного бегства из тюрьмы. Как будто можно было бежать из Бастилии без помощи самых влиятельных лиц Франции!

В тот-же приблизительно период времени в Англию приезжала другая доверенная королевы Марии Антуанетты герцогиня де Полиньяк с поручением отобрать у графа де ля-Мотт письма, писанные королевой.

Много писателей всех стран описывали жизнь и тайны несчастной казненной королевы Франции Марии Антуанетты, но тайна с ожерельем так и осталась не раскрытой.



---

## ТАЙНА МЕЙЕРЛИНГА

Вот другая трагедия в королевской семье, полная любви, ненависти, ревности и мести! Мы называем ее Тайной Мейерлинга, потому что последний ужасный ее акт произошел в охотничьем домике этого названия, в отдаленных, почти недоступных лесах Карпат.

Этот замок принадлежал крон-принцу Рудольфу, наследнику трона Австро-Венгрии; в этом замке крон-принц в конце января 1889 года принимал гостей, по большей части беспутных молодых людей. Было там также и несколько дам, во главе с верной подружкой крон-принца Марией Вечера, к которой крон-принц был глубоко привязан.

Странные вещи рассказывали потом немногие свидетели, лесники и крестьяне о воемпрепровождении гостей Мейерлинга! Дни были заняты охотой, а ночи пьянством, чередо-

вавшегося пением и танцами. Компания веселилась и не считалась с этикетом.

Однажды ночью, 29 января, среди веселия послышались крики. В пылу ссоры визгливый женский голос покрывал грубые, возбужденные мужские голоса. Затем послышался звон разбитого стекла и выстрелы. Ко всему этому прислушивалась испуганная прислуга, находившаяся в людских комнатах внизу.

Лакей крон-принца первым очнулся и бросился наверх, стараясь проникнуть в столовую, но был задержан одним из гостей, держащим еще дымящийся револьвер в руках. В страхе лакей спрятался за портьеру в прилегающей к столовой галлерее, откуда он увидел окровавленное тело своего господина, несомое двумя гостями, лиц которых узнать он не успел. Дрожа от ужаса, слуга дождался когда оба гостя вернулись, и на цыпочках пробрался в спальню крон-принца, которого он застал без памяти, при смерти.

Через час лакей вернулся в столовую. Она показалась ему с первого взгляда пустой. Внизу тоже не было ни души: прислуга нанятая среди местных жителей, повидимому, следуя примеру гостей, в страхе, не понимая происшедшего, разбежалась по домам.

Всю ночь продежурил лакей у постели уми-

рающего. В половине восьмого утра, подъехавший к дому лесничий сразу поражен был странной тишиной, царившей вокруг. Удивленный и немного смущенный, он открыл входную дверь и пошел наверх в столовую. Здесь был страшный беспорядок. Великолепная мебель разбросана, поломана; разбитые бутылки и бокалы валялись на дорогом ковре.

Скатерть, стянутая со стола, лежала горой в углу. С испугом подошел к ней лесничий, приподнял край и увидел труп красивой, молодой женщины. Тело было совершенно обнажено и буквально изрешечено револьверными пулями. Только лицо осталось нетронутым, что и позволило лесничему узнать в трупе Марию Вечера.

Лесничий бегал по комнате, крича, что совершено убийство, и призывая на помощь, но никто не откликнулся. Дом безмолвствовал, как могила. Лишь достигнув спальни крон-принца, лесничий нашел обезумевшего, от ужаса лакея над трупом своего господина.

Как можно скорее тело убитого крон-принца было доставлено в Вену, в Гофбург, где и было подвергнуто медицинскому осмотру, который установил, что череп был совершенно разбит и осколки стекла проникли глубоко в мозги. На обезображенное лицо была надета

восковая маска, чтобы не показать народу изуродованного крон-принца.

Вот достоверные факты этого загадочного происшествия. Вряд-ли когданибудь будет пролит свет на эту загадочную трагедию. Очень возможно, что тут имело место двойное убийство на почве ревности.

Приведенный нами выше рассказ строго согласованный с неопровержимыми источниками, безусловно правдив. Некоторые подробности намерено выпущены. Не более трех или четырех лиц во всем свете знают истину, но печать молчания лежит на их устах, как по семейным, так и политическим причинам. Тайно все совершилось и тайной останется, вероятно, навеки. Одно лицо, которое должно было бы знать правду, утверждало, что самые мрачные подробности Мейерлинговской трагедии неизвестны даже и Австрийской Императорской фамилии.

---

## ОГЛАВЛЕНИЕ:

Король или кондитер? . . . . .	5
Украденное ожерелье . . . . .	17
Тайна Мейерлинга . . . . .	25



